

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении обложки использован
городской пейзаж «На Малом проспекте» (2012 г.)
художника *Олега Ильдюкова*

Градова, Ирина.

Г75 Танец над пропастью : [роман] / Ирина
Градова. — Москва : Издательство «Э»,
2018. — 352 с. — (Новые петербургские тайны).

ISBN 978-5-04-093271-9

Отец никогда не любил Риту. Главной любовью знаменитого балетмейстера Синявского всегда оставался его театр — «Гелиос». А Рита скорее была его самым большим разочарованием, о чем отец не уставал ей напоминать. Как девушка ни старалась, она так ни разу и не смогла угодить отцу. Она надеялась, что это получится сделать хотя бы теперь, выполнив задание Синявского — привести в труппу его бывшего ученика Игоря Байрамова, с которым восемь лет назад отец крупно поссорился. Но, судя по всему, сделать это будет не так-то просто, ведь между этими двумя существует какая-то темная тайна, вспоминать о которой неприятно обоим...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Градова И., 2018
© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2018
© Оформление.

ISBN 978-5-04-093271-9

ООО «Издательство «Э», 2018

Пролог

Все происходит в точности, как он где-то читал — яркий *божественный* свет, слепящий глаза... И это — конец? Если да, то совсем неплохо! Ни боли, ни страха... Именно так он мечтал умереть. Стоп! Ничего божественного в этом свете нет: он раздвоился и теперь напоминает... Нет, не напоминает, а это и *есть* светящиеся в темноте автомобильные фары! Значит, он жив? Жив и лежит в нескольких метрах от машины, а свет ее фар бьет ему прямо в лицо. Он с трудом поднимается и, пошатываясь, подходит ближе. Понятно, вылетел, когда автомобиль врезался... Во что он врезался? Что, черт возьми, случилось? Сколько времени прошло с момента аварии?

Он смотрит внутрь через разбитое стекло, различая смутные очертания тела. Открывает дверцу (другая, со стороны водителя, заблокирована деревом, в которое въехал автомобиль). Она поддается не сразу, но после нескольких попыток все-таки открывается, вернее, отваливается. С сиденья свешивается рука. Красивая рука с большой кистью и длинными пальцами. С пальцев капает кровь. Избегая заглядывать в безжизненное лицо, он хватается за плечи и тянет изо всех сил. Оно соскальзывает с сиденья, но ему не удается осво-

бодить левую ногу — должно быть, она застряла под сиденьем, сместившимся от удара. Опускается на колени, пытается высвободить ногу, и его руки скользят по чему-то вязкому, мокрому и теплomu. И запах... Запах бензина. Надо торопиться! Тем не менее он упрямо продолжает отгибать металл, зажавший ногу словно тисками. Он не может оставить тело внутри. Наконец нога свободна. Штанина черная от крови, но это не важно. Он вытаскивает тело, как мешок с мукой, волочит его по мокрой траве как можно дальше от машины. Взрыв заставляет вжаться в мокрую, вязкую почву, а на губах — вкус бензина и крови. Глупая мысль: в кино машины взрываются, как атомные бомбы, с шумом и столбом пламени, уходящим в небо. В жизни все гораздо скромнее. Автомобиль горит тихо, и кроме легкого потрескивания огня, не слышно ни звука.

А потом он услышал голоса. Странно — голоса отчетливые, а слов не разобрать... Снова свет ударил в глаза — на этот раз от фонарика. Приближается. Чьи-то руки ощупывают его, тормозят. Он смотрит на тело, лежащее рядом на мокрой траве, но видит только руку с широкой ладонью, длинными пальцами и тускло поблескивающим золотым кольцом на мизинце. И проваливается в темноту...

Глава 1

Рита вошла в ярко освещенный зал под звуки музыки и с интересом огляделась: здесь все оказалось не так, как она ожидала. Попасты в этот клуб стоило больших усилий и связей, и теперь понятно, почему. Огромное помещение выглядит еще больше из-за зеркальных потолков и прозрачного стеклянного пола, под которым колышется вода. Механизм, установленный внизу, гонит по ней легкие волны. Боковые стены украшают два гигантских аквариума с экзотическими рыбами, а прямо напротив — сцена в форме пирамиды, состоящей из широких ступеней, каждая из которых оборудована шестью различной длины. У верхнего шеста в данный момент танцевала потрясающе красивая блондинка в стрингах и тоненькой полоске прозрачного материала на высокой груди. Ничего пошлого: ее движения выглядели грациозно и артистично, словно она танцевала на сцене Большого театра в белой пачке Лебеда, а не в зале ночного клуба практически в костюме Евы.

Портъе, сопровождающий Риту, тихо кашлянул. Она встрепенулась и посмотрела на него.

— У нее генеральный прогон, — пояснил парень, понизив голос до шепота, хотя из-за громкой музыки девушка все равно вряд ли могла их

слышать. — Основная труппа тренируется на втором этаже. Пройдемте?

Конечно, ведь она для того и пришла, а вовсе не за тем, чтобы пялиться на полуголую девицу, ласкающую стальной шест, словно любовника. И все же она с трудом заставила себя не оглядываться, поднимаясь по лестнице: было в этом танце что-то невыносимо эротичное, завораживающее. «Представляю, — подумала Рита, следуя за охранником, — какое впечатление это производит на *мужчин!*»

Если бы не вездесущий Павел Мелихов, репортер светской хроники, ей ни за что сюда не попасть: столик требовалось заказывать не меньше чем за месяц, а уж в репетиционный зал, святая святых, никому и вовсе хода не было. Сюда ходят респектабельные бизнес-леди в вечерних платьях, богатеи в пиджаках от «Верлена» и знаменитости всех мастей. «Океан» считается закрытым клубом, и членство в нем зависит не столько от того, сколько ты стоишь, сколько от того, кого ты знаешь. Сюда попадают только по личной рекомендации одного из уважаемых постоянных клиентов. Из таких клубов не ведутся телерепортажи, о них лишь пишут в специальных изданиях: эти люди тщательно оберегают свою частную жизнь.

— Вам сюда, — сказал сопровождающий и распахнул перед Ритой дверь. Войдя, она зажмурилась: даже в театре своего отца, большого любителя внешних эффектов, она не видела столько зеркал и отраженных в них светильников. Еще до того, как глаза привыкли к слепящему свету, Рита услышала знакомый голос, говорящий:

— Минус два кило как минимум — ты меня поняла, Соня?

Звучал он мягко, но впечатление было обманчивым: стальные нотки в тоне не оставляли места сомнению в серьезности произносимых слов. О, как знакомы Рите эти слова: минус два кило, минус полкило... Такое впечатление, что место действия — рынок, мясной ряд! С другой стороны, где вы видели *толстую* балерину? Однако Рита не предполагала, что для стриптизерш, пардон, *эротических танцовщиц*, существуют те же жесткие правила по контролю веса. Девушки, выстроившиеся в шеренгу перед требовательным «оценщиком», выглядели роскошно — не то что воздушные, бестелесные балерины, которых, кажется, унесет первый порыв ветра. Высокие, грудастые, с крепкими, налитыми ягодицами и волосами, какие увидишь только в рекламе шампуня. Однако взгляд Риты приковал к себе строгий критик. После месяцев поисков, беготни по всему Питеру и бесконечных бесед с огромным количеством народа она наконец у цели! Восемь долгих лет прошло с тех пор, как они встречались в последний раз, и тогда это был *enfant terrible*, эдакий балованный ребенок, любимец публики и женщин, одно присутствие которого придавало любой тусовке оттенок божественности. В то время он купался в славе и поклонении. Рита и сама пала жертвой его обаяния, хотя и считала себя гораздо мудрее дурочек, осаждавших служебный вход Мариинского театра после спектакля в надежде поймать благосклонный взгляд своего идола. Его лицо с точеными чертами и «такими высокими скулами, что о них можно порезаться», как писала одна из газет, украшало афиши и рекламные плакаты фирмы Hugo Boss — большая редкость для театральной знаменитости. Игорь Байрамов. Он изменился. Отпустил волосы, и теперь крупные завитки доходили

до основания шеи. Лицо его украшала ухоженная венецианская бородка, но глаза все те же — миндалевидные, темно-карие, как у оленя.

Рита изо всех сил старалась не пялиться, но не могла отвести глаз. В этот момент Байрамов, стоящий лицом к двери, наконец, заметил незваную гостью.

— Ладно, — произнес он, обращаясь к девушкам, — все свободны — десять минут!

Вот, значит, сколько времени он ей отвел?

Танцовщицы с явным облегчением покинули помещение. Когда они проходили мимо, Рита заметила, что их гладкая, загорелая кожа блестит от пота.

— Так вот кто пришел от *самого* Синявского! — протянул Байрамов, как только его последняя подопечная вышла из зала. — А я-то голову ломаю! Неужели папочка решил, что ты все-таки можешь на что-то согдаться?

Начинается! Разве могло быть иначе, разве мог он не пустить в ход свой ядовитый язык с первой же минуты?

Рита выросла с сознанием, что не оправдала надежд *великого* отца, знаменитого хореографа и балетмейстера, известного во всем мире. Она не стала балериной и поэтому что бы ни делала, каких бы успехов в жизни ни добивалась, Григорий Синявский давно поставил на дочери жирный крест. Двое других детей имели право если не на его любовь, то хотя бы на снисхождение, но Рита — другое дело. Она обладала способностями, но «зарыла талант в землю» и таким образом, по мнению отца, не состоялась как личность. Рита ненавидела балетное училище, его жесткую, а порой жестокую дисциплину. Ее свободолюбивая натура восставала против коварного соперниче-

ства, царившего среди совсем еще юных созданий в белых пачках и балетных туфельках, в которые прятались изуродованные изнурительными упражнениями ступни. Риту душила атмосфера зависти и злобы, исходящая от этих, казалось бы, невинных девчушек. Они знали, что она — дочка *Синявского*, главного ведущего хореографа-балетмейстера Мариинского театра, образчик nepотизма, затесавшийся в их среду. Самым ужасным было то, что Рита действительно проявляла определенные способности, но этого ее однокурсницы не замечали. Они видели в ней соперницу, перед которой, независимо от талантов, заранее открыты двери в Большое Искусство. Они же, добивавшиеся признания собственным горбом и не имевшие «волосатой лапы» за спиной, могли в любой момент вылететь из училища, потому что недостатка в способных балетных девочках нет. И Рита взбунтовалась. Мать, бывшая балерина, лично познавшая все «прелести» профессии, встала на ее сторону, на некоторое время став для мужа врагом номер один. Приняв решение бросить учебу, младшая дочь потеряла право на отцовскую любовь. С тех пор Рита из кожи вон лезла в попытках доказать ему, что может добиться успеха на другом поприще: ни отличные оценки в школе, ни красный диплом об окончании юридического факультета университета не смогли вернуть дочери расположения отца. Именно поэтому, когда Синявский попросил ее найти Игоря Байрамова, она не стала возражать, готовая рыть носом землю, лишь бы угодить сурового родителя. И вот теперь ей напомнили обо всех неудачных попытках стать хорошей дочерью! Рита так хотела ответить Байрамову что-нибудь едкое, но вместо этого сказала только:

— Ты изменился за прошедшие годы!

— А ты нет, — усмехнулся он. — Все так же стремишься угодить папочке! Что понадобилось от меня *Великому и Ужасному*?

Так за глаза называли Синявского в Мариинке. Называют и сейчас, хотя Григорий Сергеевич давно оставил Мариинский театр из-за ссоры с новой администрацией. Он посчитал их временщиками и предрек скорый конец труппе, если позиция «командования» не изменится. И оказался прав: через полгода после его ухода балетная труппа и в самом деле оказалась на грани развала, так как почти все именитые балерины и танцовщики разбежались кто куда. Рита знала, что отец приложил к этому руку, предложив людям работу в своем новом театре. Конечно, Мариинка — это имя, но и Синявский — тоже!

— Папа взялся за новый проект, — начала она под пристальным немигающим взглядом Байрамова. — Балет под названием «Камелот». Его финансируют французы. Шоу дорогостоящее, и папе нужны лучшие кадры, поэтому он попросил меня пригласить тебя танцевать Ланс...

— Я больше не танцую, — резко оборвал ее Байрамов. — И твой папаша об этом прекрасно знает. Меня удивляет, что ты вообще появилась здесь с подобным предложением!

— По-моему, с ногой у тебя все отлично, — возразила Рита. — И я слышала, что ты успешно прошел несколько курсов реабилитации...

— Ах, вот как, ты *слышала*! Что ж, теперь я хожу без трости, и нога больше не болит, но я не танцую — и точка. Кроме того, будь у меня выбор, я все равно не пошел бы к Синявскому. Возвращайся к папочке и скажи, что опять не смогла стать хорошей девочкой и выполнить высочайшее

повеление. Напомни ему, что есть люди, которые не обязаны дрожать от счастья только потому, что дышат одним воздухом с *великим* Григорием Синявским!

Его рот кривился, буквально выплевывая слова ей в лицо.

Выйдя, вернее, пулей вылетев из помещения, Рита бросилась к выходу. Охранники с удивлением наблюдали, как она почти бегом пересекла зал и выскочила на улицу, забыв забрать из гардероба шубу. Пришлось вернуться, но сделала она это с неохотой, лишь почувствовав, что десятиградусный мороз кусает ее за открытые части тела. Рита оставила авто на платной стоянке в двух кварталах от «Океана», потому что стоянка клуба предназначалась только для постоянных клиентов, и весь путь до машины проделала бегом. Она задыхалась от злости и обиды: как мог Байрамов разговаривать с ней в подобном тоне? Откуда в нем столько ненависти — где бы он был, если бы не ее отец?!

Восемь лет назад произошло нечто, что навсегда развело Григория Синявского с его любимым учеником. В балетной среде об этом не распространялись, данная тема представляла собой одно из многочисленных «табу», связанных с громкими именами. Однако СМИ в свое время вдоволь насладились моментом, раздув из случившегося сенсацию. Игорь Байрамов пропал не только со сцены, но и выпал из жизни всех, кто его близко знал. Он стал жертвой дорожной аварии, сев за руль в пьяном виде. В то время Рита жила за границей и собиралась там остаться, выйдя замуж за человека, который, как ей тогда казалось, способен залечить ее душевные раны, оставшиеся от романа с Байрамовым. По телевидению промелькнул сюжет о том, что всемирно известный

солист Мариинки разбился на машине, и она не поняла, выжил он или нет. Рита помнила, как бросилась к телефону, чтобы позвонить матери, но трубку никто не снимал, и она с ума сходила от беспокойства. Только на следующий день ей удалось поговорить с мамой, и та сообщила, что Игорь действительно серьезно пострадал, но, к счастью, жив. Она просила Риту ни в коем случае не приезжать, но та, не послушавшись, бросила все и прилетела в Питер. Байрамов четверо суток пролежал в коме, и Рите так и не удалось с ним увидеться. Тем не менее обратно она улетела только тогда, когда врачи объявили, что его жизнь вне опасности. О том, сможет ли он вернуться на сцену, не шло и речи. Рита отправлялась в Лондон с тяжелым сердцем. Сходя с трапа самолета в аэропорту Хитроу, она понимала, что у ее планируемого брака нет будущего: чувства к Игорю ничуть не остыли, и ее собственная реакция на то, что с ним случилось, лишний раз это доказывала. Однако потребовалось время, чтобы собраться с духом и сказать Мэтту, что свадьбы не будет. Вернувшись домой, Рита узнала, что Игорь на реабилитации в Израиле. Никому ничего не сказав, она рванула туда... Это была самая большая ошибка в ее жизни. До сих пор, вспоминая о своем недуманном шаге, Рита испытывала стыд. Утешало лишь то, что Байрамов так и не узнал о ее визите!

И вот теперь он разговаривает с ней так, словно она в чем-то перед ним провинилась. Да как он смеет?! Почему отец поручил это дело ей? Синявский и Байрамов давно прекратили всякое общение, но она не вдавалась в подробности, почему — в душе и так осталось слишком много шрамов, чтобы рисковать получить новые. Рита всегда поражалась тому, как эти двое находили

общий язык — столкновение амбиций и сильных характеров обычно исключает близкое общение. Тем не менее много лет отец и Игорь были неразлучны. Рите иногда казалось, что Байрамов — родной сын Синявского, а ее с братом и сестрой взяли из детдома! Но она точно знала, что это не так. Отец отправил ее к Игорю после стольких лет именно потому, что знал: Байрамов не станет разговаривать с ним. Возможно, размышляла Рита, Игорь считал, что Синявский его предал? Но что мог поделать отец, если Байрамов потерял способность танцевать? В конце концов, именно его, Игоря, глупость привела к такой развязке, ведь это он сел за руль нетрезвым!

Рите предстоял тяжелый разговор с отцом, и она не торопилась трогаться с места, без движения сидя в своем «Фольксвагене», уставившись в грязное пятно на ветровом стекле, оставленное в ее отсутствие проказливым голубем. Григорий Синявский любит, чтобы все происходило в соответствии с его желаниями, и не терпит провалов. Недоброжелатели упрекали его в уверенности, что мир вращается вокруг него, поклонники и ценители искусства полагали, что гений имеет право на любую придурь. Даже уйдя со скандалом из Мариинского театра, он не стал менее популярен. Администрация обвиняла его в неуживчивости и мании величия, в то время как он успешно творил за границей. Потом Синявский вернулся в Россию и основал собственную балетную школу и труппу. Рита никогда не задумывалась над тем, где он взял деньги на столь дорогостоящее предприятие. За время работы за рубежом Синявский отошел от классического репертуара. Он оказался неплохим бизнесменом и понял, что классика уже далеко не так популярна, как двадцать лет назад.